

Свидовская Анастасия Сергеевна

аспирант кафедры отечественной истории
Алтайского государственного
педагогического университета

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ С БИЭТНИЧНОЙ РУССКО-УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Аннотация:

В статье представлен анализ языковой ситуации в самосознании населения с биэтнической русско-украинской идентичностью юга Западной Сибири. Анализируется смешанный русско-украинский язык («хохляцкий» или суржик), сформировавшийся в местах концентрации украинского населения, и особенности его бытования. На основе данных, полученных в ходе проведения глубинных интервью летом 2020 года, описаны социолингвистические факторы, влияющие на языковую ситуацию в регионе: численность этнической группы, возраст носителей языка, этнический характер браков и типа семейного воспитания, преподавание языка в школе. Отмечается, что уровень владения украинским языком и суржигом зависит от периода переселения, места проживания и возраста опрашиваемых. Делается вывод о том, что украинскому или «хохляцкому» языку на юге Западной Сибири в определении этнической идентичности отводится в большей степени символическая роль.

Ключевые слова:

языковая ситуация, этническая идентичность, русско-украинская идентичность, суржик, «хохляцкий» язык, близкородственный билингвизм, двуязычие, родной язык

Svidovskaya Anastasia Sergeevna

PhD student,
Department of National History,
Altai State Pedagogical University

THE LANGUAGE SITUATION AMONG THE POPULATION WITH BI-ETHNIC RUSSIAN-UKRAINIAN IDENTITY IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Summary:

The analysis of the linguistic situation in the self-consciousness of the population with bi-ethnic Russian-Ukrainian identity in the south of Western Siberia is presented. The mixed Russian-Ukrainian language ("khokhlyatskiy" or surzhik), formed in places of concentration of the Ukrainian population, and the peculiarities of its existence are analyzed. Based on the data obtained during in-depth interviews in the summer of 2020, sociolinguistic factors affecting the linguistic situation in the region are described: the size of the ethnic group, the age of native speakers, the ethnic nature of marriages and the type of family education, language teaching at school. The level of proficiency in the Ukrainian language and surzhik depends on the period of resettlement, place of residence and age of the respondents. The author comes to the conclusion that the Ukrainian or "Khokhlyatskiy" language in the south of Western Siberia is assigned a more symbolic role in defining ethnic identity.

Keywords:

linguistic situation, ethnic identity, Russian-Ukrainian identity, surzhik, «khokhlyatskiy» language, closely related bilingualism, bilingualism, native language

В условиях ускорения социальных процессов взгляд на природу этнической идентичности характеризуется плюралистическими представлениями о сути понятий «этнос» и «этничность». В последние десятилетия исследователи изучают этнокультурные сообщества не как однородные и монокультурные, а как сложные, многогранные группы с разнородным составом [1, с. 138–139]. Интерес к феномену множественной этнической идентичности растет.

Научное постсоветское сообщество, обращая внимание в первую очередь на конструирование общегражданской национальной идентичности, пытается выстроить иерархию идентичностей и рассматривает разные ее составляющие: этническую, национальную, лингвистическую и др. (В.А. Тишков, Ж.К. Нурғалиева, В.В. Огнева, Н.В. Григорьева, В.В. Волков, Р.В. Нуруллина) [2]. Причем результаты эмпирических исследований этнической идентичности в России «демонстрируют плодотворность методологического подхода к ней как к многоуровневой неконфликтующей идентичности» [3, с. 130–131].

Одной из важных составляющих государственной национальной политики является отношение власти к языковому вопросу. Исследователи отмечают, что в многонациональном государстве данный вопрос имеет первостепенное значение, поскольку язык «призван обеспечить взаимопонимание между народами, которые, становясь двуязычными (часто вынужденно), усматривают в этом элемент принудительности, что задевает национальные чувства многих людей» [4, с. 156].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

В современной научной литературе существует мнение, отстаиваемое В.А. Тишковым, что смерть языка не означает смерть народа, а «представление о том, что у человека может быть только один родной язык, совпадающий с “этническим” языком, не отражает современную языковую ситуацию в России» [5, с. 39].

После распада СССР обращение к национальной культуре и языку вызвало всплеск этнического самосознания в России и соседних государствах, а следовательно, дало толчок для развития новых тенденций в языковой политике. Так, полноценную картину современного языкового пространства актуально рассматривать на сегодняшний день с позиции социолингвистики, целенаправленно используя интеграции различных подходов, многообразие способов и методов обработки, фиксируя «живой» языковой материал.

Высокий процент населения, владеющего русским языком (99,4 % граждан согласно переписи 2010 г.), свидетельствует о значительной степени ассимиляции иноязычных этносов, проживающих на территории России постоянно. Следствием такого положения дел в многонациональной стране становится распространение двуязычия среди нерусских национальностей. Принимая во внимание эту особенность функционирования языка, В.А. Тишков настаивает на «поощрении русско-этнонационального двуязычия, поскольку это снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между языками» [6, с. 302]. Исследование взаимовлияния языков друг на друга и формирование двуязычия (билингвизма) в переселенческих сообществах, оторвавшихся от исконной территории проживания и находящихся далеко от материнского этноса, на территории России привлекает внимание современных исследователей (Е.Е. Левкиевская [7], А.В. Блохинская [8]).

Нужно отметить, что благодаря активному участию украинцев в заселении обширных территорий России в XVII–XX вв. в самых разных ее регионах сформировались этнокультурные зоны со смешанным русско-украинским населением: от непосредственно граничащих с этническим ареалом самой Украины до регионов Дальнего Востока, удаленных от территории Украины на тысячи километров. Так, некоторые современные этносоциологи рассматривают жителей приграничных с Украиной регионов «не как переходную группу на завершающем этапе ассимиляционного процесса, а как самостоятельную этнокультурную единицу с устойчивыми культурными особенностями и признаками, включающими даже язык (“суржик”)» [9, с. 140]. Многоуровневую идентичность, ее двойственность фиксируют этнографы в среде потомков украинских переселенцев Западной Сибири, Приморья и других восточных регионов России (И.В. Октябрьская, Т.А. Гончарова, Е.Ф. Фурсова, О.С. Мамонтова, А.А. Крих (Новоселова), Н.В. Люля, Г.Г. Ермак и др.) [10].

В ходе проекта, реализуемого социологами и этнографами в 2020 году, проводилось изучение этнической идентичности среди русско-украинского населения России в местах его проживания (как компактного, так и дисперсного) в Белгородской, Воронежской, Омской областях, Приморском, Алтайском крае. Методика и инструментарий, апробированные в рамках полевой работы, а также эмпирические данные позволяют сделать ряд выводов об особенностях идентичности биэтнического русско-украинского населения как одной из самых многочисленных групп «смешанного» населения в России.

В рамках статьи предполагается проанализировать языковую ситуацию в среде близкородственных языков региона в составе сферы коммуникации населения с биэтнической русско-украинской идентичностью на юге Западной Сибири, выявив взаимосвязь между языковой ситуацией и этнической идентичностью изучаемой группы населения. Предлагаем рассматривать языковую ситуацию как совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном или функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований [11, с. 47].

Источником для исследования послужили статистические материалы – данные переписей населения, а также глубинные интервью, зафиксированные на аудионосителях и полученные в ходе полевых исследований в 2020 году в двух регионах Западной Сибири, где было опрошено 40 человек, проживающих в городской и сельской среде (г. Барнаул и Романовский район Алтайского края, г. Омск и Павлоградский район Омской области). Анкета, которая была предложена респондентам, включала в себя вопросы, касающиеся социальных характеристик их личности: времени и места рождения, территории проживания, направления подготовки и уровня образования, типа профессиональной деятельности, особенностей формирования этнической идентичности в контактных аудиториях и лингвистических практиках, а также вопросы, призванные выявить специфику межэтнического общения. Ответы респондентов были использованы для создания комплексной картины их этнической идентификации, определения степени осознания ими своей принадлежности к одному или нескольким этносам, а также для формирования языкового портрета личности с биэтнической русско-украинской идентичностью. Кроме того, полученные дан-

ные позволили установить закономерности поведения респондентов и членов их семей в вопросах выбора языка для разных сфер коммуникации, определить факторы, влияющие на этот выбор, а также оценить уровень владения информантами языками в целом.

Изучение языковой ситуации не представляется возможным без рассмотрения процесса формирования русско-украинского сообщества на юге Западной Сибири и особенностей его размещения. Исследование охватывает Омскую область и Алтайский край, поскольку в результате масштабной переселенческой политики территория именно этих современных административных единиц стала зоной расселения основной массы украинцев на юге Западной Сибири.

Так, начальный этап заселения украинскими переселенцами рассматриваемой территории пришелся на конец XIX – начало XX в., когда государство, заинтересованное в хозяйственном освоении Сибири, проводило активную протекционистскую политику. Массовый приток переселенцев наблюдался в 1930–1940 гг. и был обусловлен репрессивной политикой советской власти (раскулачивание, депортации) и стремлением правительства освоить неэксплуатируемые земли. Последующие волны миграции были связаны с освоением целинных и залежных земель в 1950-е г., а также с распадом СССР.

По данным этнографов, на территории юга Западной Сибири бытует суржик, называемый жителями чаще всего «хохляцким» языком, который информанты отличают от литературного украинского [12, с. 13]. Нужно отметить, что вопрос о суржике как о смешанной форме украинско-русской речи, распространенной на территории России и Украины, занимает существенное место в многочисленных лингвистических исследованиях восточнославянских языковых контактов (Д.Г. Сальваторе, М.С. Хмелевский, Т.Н. Курохтина и др.) [13]. Понятие «суржик» принято рассматривать как язык, естественно сформировавшийся в зонах контакта русского и украинского населения. Его феномен, по мнению Д.Г. Сальваторе, заключается в том, что каждую территориальную вариацию украинско-русского суржика требуется рассматривать как самостоятельный идиом, поскольку этот язык первоначально являлся «прототипом (украинского) суржика» (т. е. представлял собой результат смешения украинского диалектного субстрата и наследия бывших литературно-языковых традиций Украины с адстратом – русскими языковыми компонентами)» [14, с. 237]. В настоящее время перед лингвистами, изучающими феномен суржика, по мнению Т.Н. Курохтиной, стоит задача комплексного исследования этого языкового явления, рассматривающего «как лингвистические последствия взаимодействия русского и украинского языков, так и социальные условия, психологические установки и возможности лиц, чью речь можно охарактеризовать как суржиковую» [15, с. 100].

При анализе языковой ситуации, характеризующей использование этнического языка в социальном или функциональном взаимодействии в пределах исследованной территории, мы будем опираться на социолингвистические факторы, представленные в работе А.Е. Кибрик [16, с. 68–70].

Одним из важнейших факторов, определяющих функционирование и жизнеспособность языка, является численность этнической группы и говорящего на языке этой группы населения. Количество украинцев, признанных третьим по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. народом на территории Омской области (после русских, казахов) и Алтайского края (после русских, немцев), составляет 51 841 (2,6 % от всего населения области) и 32 226 (1,3 % от всего населения края) человек соответственно. Отметим, что в сравнении с данными Всероссийской переписи 2002 года численность украинцев уменьшилась в 1,5 раза, что, как мы предполагаем, в значительной степени обусловлено распространением двойной русско-украинской этничности и предпочтением таких жителей в официальных документах или переписях записываться русскими [17].

Родным языком считают украинский в Алтайском крае 9 259 жителей, а в Омской области – 11 700, причем этническими украинцами из них являются только лишь около 60 % в обоих регионах [18]. Эти факты, а также компактность и относительно длительное время проживания русских и украинцев на исследуемой территории свидетельствуют об увеличении числа населения с биетнической русско-украинской идентичностью, следствием чего становится распространение суржика, или «хохляцкого» языка, а также активизация ассимиляционных процессов между близкородственными народами [19].

На территории юга Западной Сибири бытование суржика, т. е. языка, отличающегося как от русского, так и от украинского, наблюдается уже у второго поколения переселенцев конца XIX – начала XX в. [20, с. 13]. Его сохранность зависит от степени сконцентрированности украинского населения, сельской или городской среды проживания и этнического окружения. В сельских населенных пунктах с компактным проживанием населения украинского происхождения фиксируется распространение смешанного варианта русско-украинского языка до настоящего времени, причем в немецко-украинских селах это наблюдается в большей степени, чем в русско-украинских или украино-русских [21, с. 13].

Одним из важнейших факторов, определяющих жизнеспособность языка, является возраст его носителей. Результаты глубинных интервью показывают, что чаще всего родным считают украинский или «хохлацкий» язык респонденты старше 50 лет. Отметим, что опрошенные, отвечающие на вопрос о родном языке, зачастую называют официально признанные языки – русский или украинский, причем чаще выбирают русский, поскольку востребованность, распространение и использование его выше. В повседневной же реальности респонденты старше 50 лет часто используют «хохлацкий» язык, который является для них первым выученным языком. Молодое поколение, напротив, отдает предпочтение русскому языку, выбирая его для любых сфер общения. Т. е. можно говорить о том, что языковая ситуация региона находится в состоянии трансформации.

Фактор этнического характера браков и типа семейного воспитания также является значимым. Тенденция к заключению межэтнических браков сформировалась к 1960 годам, когда национальная принадлежность перестала быть значимой при выборе будущего супруга. Во всех группах опрошенных выявлены факты заключения брака с русскими, украинцами, немцами, а респонденты, еще не создавшие семью, отвечали, что национальность будущего супруга (супруги) не будет иметь для них значения.

Большая часть опрошенных со смешанной русско-украинской идентичностью в интервью на вопрос «На каком языке обычно (в основном) разговаривают в вашей семье?» ответили, что на русском. Только лишь 5 человек, проживающих в сельской местности, в основном используют так называемый «хохлацкий» язык в повседневной жизни. Нужно отметить, что это преимущественно мужчины старше 60 лет. Женщины этого же возраста разговаривают на «хохлацком», но при общении с внуками переходят на русский: «По-хохлацки, не по-русски. И с детьми так. С внуками – по-русски, чтобы они поняли*». Таким образом, имеет место ситуация, когда прекращается трансляция «хохлацкого» языка в семейной сфере, и младшее поколение воспитывается уже не в билингвальной среде.

При общении с другими людьми половина из опрошенных выступают билингвами и отдают предпочтение тому языку, который является родным у их собеседника, т. е. в повседневной жизни используют два языка в зависимости от коммуникативной ситуации и окружения. Основным фактором, влияющим на усвоение и использование языка, является общение в семье, чуть менее значимым – общение с друзьями, коллегами: «Смотря какое общество, с кем общаешься. С родственниками, которые в деревне живут, которые в возрасте, мама – уже больше мы как украинцы. Они живут больше молодостью своей, даже не помнят то, что вчера было, а помнят, что было 50 лет назад. Если общаешься с более молодыми родственниками, то ощущаешь себя больше русской**».

Преподавание русского языка в школе является определяющим фактором для его активного усвоения. Доля респондентов, использующих только «хохлацкую» форму украинского языка, значительно сокращается при институализации: при поступлении в начальную школу дети утрачивают возможность общаться только лишь на суржике. В ходе обучения обязательным для использования становится русский язык.

Русский язык в качестве основного средства общения закрепляется в третьем – четвертом поколении среди переселившихся на юг Западной Сибири, тогда как до 1960 годов он использовался как язык обучения и коммуникации с людьми, а суржик – как язык бытового и семейного общения в основном в сельской местности. По воспоминаниям информантов, двуязычие формировалось у них с детского возраста: «Я в саду не занималась, была с бабушкой. Я по-хохлацки шандарашу, понимаете? Когда я пришла в школу, я так боялась. Как пошла – с первого дня пошло у меня все! А бабушка и мама – ни одного слова на русском, у них – смесь***».

Основной социальной, а в ряде случаев локальной мобильности в современном обществе является образование. При этом для его получения опрошенные вынуждены были отправляться в более крупные поселки и близлежащие города, где русский становился для них основным языком общения, а «хохлацкий» оказывался невостребованным.

Больше половины респондентов, проживающих на сегодняшний день в городской среде и имеющих биэтническую русско-украинскую идентичность, являлись уроженцами сельских населенных пунктов, где до сих пор сконцентрировано украинское по происхождению население. Переехав в город по причине поступления в учебное заведение, респонденты были вынуждены раз-

---

* По материалам полевых исследований. 2020 г. Омская область, Павлоградский район, с. Павлоградка. Жен., 1940 г.р.

** По материалам полевых исследований. 2020 г. Омская область, Павлоградский район, с. Павлоградка. Жен., 1970 г.р.

*** По материалам полевых исследований. 2020 г. Алтайский край, г. Барнаул. Жен., 1957 г. р.

говаривать только на русском языке, потому что «хохляцкий» часто воспринимался окружающими как «деревенское» (непрестижное) наречие: «Родной язык считаю русским, потому что в разговоре хочется проявить образованность»*.

Полевые материалы свидетельствуют о неоднородной динамике совместного использования суржика и русского языка. На данном этапе наблюдается ситуация несбалансированного близкородственного билингвизма, когда один из языков, в нашем случае – русский, более распространен и востребован, чем второй язык – «хохляцкий» или же украинский. Причем старшее поколение, владеющее и суржиком, и русским языком, использует их в зависимости от коммуникативной ситуации, а население, знающее литературный украинский и русский, актуализирует в основном только русский язык в повседневном общении. Младшее поколение понимает «хохляцкий» язык, но на нем уже практически не разговаривает, особенно это относится к населению крупных городов. Полевые исследования подтвердили, что в сельской среде сохранность и распространение суржика и билингвальных явлений выше.

При общении с окружающими людьми некоторые информанты по-разному ощущают свою национальность, от этого зависят особенности их речи и произношения: «С родственниками чувствую себя естественно русской. Хохлушкой иногда себя чувствую, когда вот в организации [имеет в виду Украинское землячество Алтайского края – А.С.] или близкие с Украины. А все из села – все хохлы! <...> Я приезжаю к подруге, и мы с ней с буквой «г», с фрикативным этим [произношением] разговариваем»**.

Исходя из данных интервьюирования можно утверждать, что у населения существует потребность в изучении украинского языка как факультативного предмета в школе в начальных классах, для того чтобы подрастающее поколение знало культурные особенности своих предков. На вопрос «Хотели бы вы, чтобы ваши дети или внуки в школе изучали украинский язык или местный вариант украинского диалекта?» большая часть опрошенных ответила положительно, а остальные все же склонны считать, что необходимо изучать украинский литературный язык, нежели суржик, но только если у детей «будет желание».

Фиксация интереса к украинскому литературному языку (как языку предков или национальному) показывает, что, несмотря на массовый переход на русский язык в качестве основного и родного языка (как понимают этот термин сами респонденты), украинский («хохляцкий») компонент этничности ими не утрачивается. Т. е. язык хотя и является важным элементом этничности, однако его потеря не означает неизбежной утраты идентичности. Добавим также, что, даже перейдя на русский язык, большинство из биэтнических респондентов сохраняет языковые особенности, присущие украинскому языку (фрикативное «Г», «Шо» и т. д.), которые становятся для таких людей «маркером», по которому они отличают «своих» или же, напротив, идентифицируются окружающими как украинцы («хохлы»).

События 2014 года способствовали возрождению украинского самосознания у некоторых наших респондентов. Так, с участием центров украинской культуры (г. Барнаул, г. Омск, с. Родино Родинского района и др.) все активнее проводятся мероприятия, посвященные популяризации украинской культуры, создаются песенные коллективы, исполняющие песни на украинском языке, организуются праздники. Погружаясь в более украинизированную языковую среду, респонденты начинают четче ощущать свою принадлежность к украинской культуре: «Раньше-то, конечно, считала себя русской, в паспорте было написано “русская”. А сейчас, когда я пошла в украинский центр, ... я сама пою эти песни, я слышу их разговор. Сейчас в центре люди, которые из Западной Украины в основном, вот их диалект, их речь звучала в нашей семье»***.

На наш взгляд, для сохранения «хохляцкого» языка как части украинской культуры на территории юга Западной Сибири следует предпринимать меры, ориентированные на молодежь и школьников, создавая условия для популяризации среди них родной культуры. В частности, это может быть организация конкурсов и олимпиад на знание национального языка, обычаев и традиций, проведение занятий по изучению украинского языка как родного языка или языка предков, в том числе совместно с родителями.

Таким образом, в среде населения юга Западной Сибири с биэтнической русско-украинской идентичностью наблюдаются устойчивые ассимиляционные процессы, приводящие к утрате людьми способности разговаривать на суржике. Билингвизм распространен только лишь в среде старшего поколения. Формирование группы с биэтнической русско-украинской идентичностью свя-

---

* По материалам полевых исследований. 2020 г. Омская область, Павлоградский район, с. Павлоградка. Муж., 1995 г.р.

** По материалам полевых исследований. 2020 г. Алтайский край, г. Барнаул. Жен., 1957 г. р.

*** По материалам полевых исследований. 2020 г. Омская область, г. Омск. Жен., 1973 г.р.

зано в основном не с реальным использованием второго языка всеми ее членами, а с его символической ролью в формировании чувства родственности с украинским сообществом. Абсолютное доминирование русского языка во всех сферах институциональной коммуникации привело к уменьшению ареала функционирования суржика, который закрепился в основном в сфере семейного общения.

Ссылки:

1. Бубликов В.В. Особенности идентичности русско-украинского населения приграничных территорий России // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9>.
2. Волков В.В. Взаимосвязь гражданской и лингвистических идентичностей в современной Латвии // Политическая экспертиза: политэкс. 2012. Т. 8. № 4. С. 241–261; Григорьева Н.В. Региональная иерархия территориальных идентичностей в различных возрастных группах населения Псковской области (по итогам социологического исследования весной 2008 г.) // Псковский регионологический журнал. 2009. № 7. С. 41–53; Нургулиева Ж.К. Конструирование этнической и гражданской идентичности в национализирующем государстве на примере Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012. 27 с.; Нуруллина Р.В. Формирование общегражданской идентичности в России: современное состояние // Власть. 2016. Т. 24. № 9. С. 127–133; Огнева В.В. Общероссийская гражданская идентичность: актуальные проблемы формирования в условиях полиэтничности // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. 2017. № 8 (257). С. 177–181; Тишков В.А. Язык нации // Вестник Российской Академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 291–303. <https://doi.org/10.7868/S0869587316040174>.
3. Нуруллина Р.В. Указ. соч. С. 130–131.
4. Арутюнова М.А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. 2012. № 1. С. 155–178.
5. Тишков В.А., Акбаев Х.М. «Народ не умирает с языком» или «язык не живет без народа»? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М., 2020. С. 19–39.
6. Тишков В.А. Язык нации ... С. 302.
7. Левкиевская Е.Е. Язык – наречие – мова: статус украинского языка в русском дискурсе советского периода // Славянский альманах. 2017. № 3-4. С. 334–350.
8. Блохинская А.В. Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья (на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 21 с.
9. Бубликов В.В. Особенности идентичности ... С. 140.
10. Гончарова Т.А. К вопросу об этнической самоидентификации украинцев Томской области // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (52). С. 135–139; Ермак Г.Г. Этнокультурная история украинцев Приморского края // У карты Тихого океана. 2015. № 35 (233). С. 10–13; Люля Н.В. Этническая идентичность потомков украинских переселенцев Алтайского края в период обострения российско-украинских отношений // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М.; Казань, 2019. С. 111; Мамонтова О.С. Кацапы или простые хохлы: к вопросу о самоидентификации потомков курских переселенцев в Каменском районе Алтайского края // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 97–102; Новоселова А.А. Сибирские «хохлы»: к вопросу об этнической принадлежности // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. С. 27–28; Октябрьская И.В., Крикау Л.В., Антропов Е.В. «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX – начала XXI в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4 (50). С. 221–227; Фурсова Е.Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 748–753. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753>.
11. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004. 336 с.
12. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке / Н.С. Грибанова [и др.]. Барнаул, 2017. 306 с.
13. Курохтина Т.Н. К вопросу об определении понятия «суржик» // Славяноведение. 2012. № 3. С. 93–101; Сальвадоре Д.Г. Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков // Slověne. 2015. Т. 4. № 2. С. 214–246; Хмелевский М.С. Лингвистический анализ обиходно-разговорной речи русскоязычного населения современной Украины в свете русско-украинского билингвизма (по материалам полевых исследований) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 189–196. <https://doi.org/10.26293/chgru.2019.103.3.025>.
14. Сальвадоре Д.Г. Указ. соч. С. 237.
15. Курохтина Т.Н. Указ. соч. С. 100.
16. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992. 336 с.
17. Бубликов В.В. Множественная этническая идентичность и ее влияние на статистику национального состава населения России // Межэтнические отношения и процессы в современном мире. Улан-Удэ, 2019. С. 63–67.
18. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Омской области. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://oms.k.gks.ru/vpr-2010> (дата обращения: 10.11.2020); Национальный состав и владение языками, гражданство : стат. сб. Т. 4, ч. 1. Барнаул, 2013. 206 с.
19. Кутилова Л.А. Проблема разрушения/сохранения этнической границы в переселенческой среде в Сибири в конце XIX – XX в. (на примере украинского сообщества): теоретические конструкты, историографическая традиция и опыт исследования // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности социальной адаптации в истории современности. Томск, 2015. С. 175–190. <https://doi.org/10.172239785751123666/15>.
20. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке ... С. 13.
21. Там же.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна